

В.Е. Румянцев

Древности

**Труды Московского археологического общества.
Том 7**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Е. Румянцев**
Древности. Труды Московского археологического общества. Том 7 / В.Е. Румянцев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 456 с.

ISBN 978-5-518-03880-6

ISBN 978-5-518-03880-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О ЛЮТОМЪ ЗВѢРѢ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Д. Чл. В. Ф. Миллера.

Русская старина обронила въ лѣтописяхъ, народныхъ стихахъ и преданіяхъ нѣкоторыя свѣдѣнія о животныхъ, занимавшихъ немаловажное мѣсто въ представленіяхъ древне-русскаго человѣка о природѣ. Иногда упоминають эти памятники о животныхъ, дѣйствительно водившихся на Руси въ давнія времена, но теперь уже исчезнувшихъ—и въ этомъ случаѣ зоологъ находитъ обильный матеріалъ для исторіи животныхъ, для древне-русской фауны. Иногда животныя, встрѣчающіяся въ азбуковникахъ, въ народныхъ пѣсняхъ и друг. произведеніяхъ, относятся къ области мѣа и представляютъ интересъ для историка литературы—таковы летающіе змѣи, съ которыми бьются богатыри, мѣическія птицы: Черногарь, Стратимъ, Истрафилъ и т. п.

Понятно, что въ теченіи вѣковъ русская фауна должна была во многомъ измѣниться. Вырубка лѣсовъ, приращеніе населенія, постройка городовъ и сель, охота, развитіе культуры и промысловъ должны были значительно ограничить область распространенія дикихъ животныхъ. Преслѣдуемая человѣкомъ, они отступали все дальше и дальше въ глубь первобытныхъ лѣсовъ, искали мѣстъ еще не населенныхъ ихъ исконнымъ врагомъ и мало по малу вымирали. Прошли времена, когда Владиміръ Мономахъ около Чернигова лавливалъ по 10 и 20 дикихъ коней и охотился на дикаго тура и когда на южно-русскихъ рѣкахъ бобры возводили свои замысловатыя постройки.

ки. Воспоминаніе объ этихъ животныхъ сохранилось только въ нѣкоторыхъ названіяхъ городовъ, селъ и рѣкъ, въ родѣ рѣки Тура, городовъ Турова, Боброва, Бобруйска, рѣкъ Бобра, Бобрика и т. п.

Туръ, дикій быкъ, отличаемый зоологами отъ зубра, послѣдніе остатки котораго сохраняются въ Бѣловежской пуцѣ, вымеръ окончательно; но народные пѣвцы до сихъ поръ поминаютъ его имя по традиціи и это свидѣтельствуемъ о великой живучести народныхъ преданій. Такъ богатырь Волхъ Всеславьевичъ обучается хитрости-мудрости—обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога. Злая чародѣйка Марина Игнатьевна обернула Добрыню гнѣдымъ туромъ,

Пустила его далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога ¹⁾.

Далѣе народная былина рассказываетъ, что

Шли выбѣгали четыре тура златорогіе,
И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ градъ и т. д. ²⁾

Но, повторяя древнюю пѣснь, русскій пѣвецъ уже не отдавалъ себѣ отчета, какое животное было туръ. Онъ не видалъ тура, не охотился на него, какъ Владиміръ Мономахъ, ничего не слышалъ о немъ; и вотъ мало по малу непонятное имя начинаетъ замѣняться именемъ знакомаго животнаго. Въ одномъ пересказѣ ³⁾ Марина обращаетъ Добрыню уже не въ тура златорогаго, а въ простую лошадь; въ другомъ—въ оленя рыскучаго ⁴⁾. Точно также народъ хотѣлъ осмыслить и туриць златорогихъ, гулявшихъ возлѣ Кіева и изъ неизвѣстныхъ ему животныхъ сдѣлалъ Турокъ. ⁵⁾ Это ужъ не турицы-златорогія, а турицы поганые и посылаетъ ихъ татаринъ на Святую Русь.—Это наблюденіе надъ постепенной метаморфозой древняго животнаго можетъ быть сдѣлано и надъ другими случаями. Въ духовномъ Стихѣ о Голубиной книгѣ упоминается, какъ извѣстно, какой-то звѣрь Индрикъ, всѣмъ звѣрямъ отецъ или мать. ⁶⁾ Слѣдя по отдѣльнымъ пересказамъ за вариантами этого имени, мы находимъ, что въ большинствѣ—онъ называется Индрикомъ. Затѣмъ народное придыханіе сдѣлало изъ него Вындриха ⁷⁾ (какъ воспа вм. оспа,

¹⁾ Пѣсни соборныя Кирѣвскимъ, II, 87. Сравн. тамъ же II, 46. Рыбниковъ. II, 12.

²⁾ Рыбниковъ. II, стр. 40 и I, 174.

³⁾ Кирѣвск. II, 42.

⁴⁾ Рыбниковъ III, л. 69.

⁵⁾ См. Рыбниковъ I, стр. 106.

⁶⁾ Безсоновъ. Калѣки переходже I, 273, 277, 304, 322 и 327.

⁷⁾ Тамъ же, I, 284 и 334.

вострый вм. острый); далѣе ему придается эпитетъ бѣлый и эпитетъ сливается съ именемъ въ одинъ комплексъ (Бѣлояндрихъ ¹⁾); далѣе народъ старается осмыслить иноземное, непонятное слово и подставляетъ по созвучію русское и прогъ или единрогъ ²⁾); но осмысленіе идетъ еще далѣе: Индрикъ называется царемъ всѣхъ звѣрей и вотъ какой нибудь пѣвецъ, слышавшій о лѣвѣ, царѣ звѣрей, замѣняетъ мифическаго Индрика заморскимъ лѣвомъ ³⁾). Въ какихъ-же чертахъ рисуется намъ стихъ о Голубиной книгѣ этого звѣря?

Ионъ ходилъ по всему свѣту бѣлому,
 Не было добрымъ людямъ воспитанійца,
 Воспитанійца, обмыванійца,
 Ионъ копалъ рогомъ сыру мать-землю,
 Выкопалъ ключи все глубокии,
 Доставалъ воды все кипучи....

и далѣе:

Живетъ звѣрь за Океаномъ моремъ,
 И рогомъ проходитъ звѣрь по подзѣмелью,
 Аки ясное солнце по поднѣбесью,
 Онъ происходитъ всѣ горы бѣлокаменные,
 Прочищаетъ ручьи и проточины,
 Пропускаетъ рѣки, кладязи студеные....

далѣе:

Когда этотъ звѣрь рогомъ поворотится,
 Словно облацы по поднѣбесью.
 Вся мать земля подѣ нимъ всколыбается....
 Всѣ звѣрѣя земные къ нему приклонятся,
 Никому побѣды онъ не дѣлаетъ. ⁴⁾

Что же это за звѣрь, всѣмъ звѣрямъ отецъ, звѣрь съ огромнымъ рогомъ, живущій въ землѣ и пускающій кладязи? Относится ли онъ цѣликомъ къ области фантазіи, или нѣкоторыя черты имѣютъ реальную подкладку? Основываясь на одномъ вариантѣ, въ которомъ этотъ звѣрь названъ Индра, издатель духовныхъ стиховъ нашелъ въ нашемъ Индрикѣ индускаго бога Индрѹ. Болѣе осторожный Аванасевъ ⁵⁾, приводя это мнѣніе, болѣе склоненъ думать, что въ именахъ бога Индры и Индры-звѣря только случайное созвучіе; но все же Аванасевъ не можетъ отказаться отъ мифологическаго толкованія: гора, въ которой живетъ Индрикъ, для него—облачная гора, туча—рогъ

¹⁾ Тамъ же, I, 290.

²⁾ Тамъ же, I, 296.

³⁾ Тамъ же, I, 313 и 316.

⁴⁾ См. сводный текстъ въ сборникѣ Безсонова I, стр. 371 и слѣд.

⁵⁾ См. Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу. II, стр. 554 и слѣд.

его—молнія: «разрывая своимъ рогомъ, т. е. молніей, облачныя горы и подземелья и заставляя дрожать мать сыру-землю, т. е. потрясая ее громовыми раскатами, чудовищный звѣрь даетъ истокъ дождевымъ ключамъ и рѣкамъ». Такимъ образомъ русская мифологія обогащается представленіемъ о звѣрѣ, живущемъ въ грозовыхъ тучахъ и источающемъ дождь на землю. Предлагая такое толкованіе, покойный Аванасьевъ не отнесся критически къ матеріалу, не принявъ въ расчетъ, что на духовномъ стихѣ о Голубиной книгѣ замѣтно сильное книжное вліяніе и что поэтому на немъ опасно основывать какіе бы то ни было выводы о русскихъ народныхъ мифологическихъ представленіяхъ. Уже 25 лѣтъ тому назадъ профессоръ Буслаевъ ¹⁾ указалъ, изъ какихъ источниковъ могли войти въ «Голубиную книгу» свѣдѣнія о разныхъ чудныхъ звѣряхъ. Само названіе Индрикъ указываетъ на иноземное происхожденіе этого животнаго; въ Азбуковникѣ, изданномъ у Сахарова, упоминается тотъ же звѣрь въ такой формѣ: Индрія—звѣрь есть водный. Отсюда легко предположить, что подъ Индріей скрывается греч. Ἰνδρα—гидра, водяная змѣя, и это предположеніе вполне объясняетъ, почему и въ нашемъ духовномъ стихѣ Индра пропускаетъ рѣки и кладязи. Такимъ образомъ, если Индрикъ и носитъ мифическій характеръ, то во всякомъ случаѣ русская мифологія здѣсь не при чемъ, такъ какъ онъ забрелъ въ наши духовные стихи книжнымъ путемъ, тѣмъ же путемъ, какимъ попала въ нихъ птица и страфиль, въ которой пр. Буслаевъ основательно находитъ греч. στρουθός (птица и страусъ) или по византийскому произношенію истрюфосъ (ἡ στρουθός).

Въ Бесѣдѣ Иерусалимской, послужившей основой для стиха о Голубиной книгѣ, звѣрь звѣрямъ мать называется единърохъ. «Коли на земли была засуха і в тѣ поры дождя на землю не было, тогда в рѣкахъ і в озерахъ воды не было, толко во единомъ езерѣ вода была, і лежалъ великой зміи и не давалъ людямъ воды пить, и никакому потскучему звѣрю, ни птицѣ полетучей; а коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змій люты слышитъ и побѣжитъ от звѣря того за три дни, і в ту пору запасаютца водою люди» (Костомаровъ, Пам. Стар. Р. Литер. II, 308). На основаніи этого мѣста пр. Веселовскій полагаетъ, что мифическій единорогъ передѣланъ въ звѣря Индриха въ Голуб. книгѣ (Слав. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 257); но допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на измѣненіе имени единорога въ Индрика повліялъ рассказъ физиолога о звѣрѣ энгидрѣ или гидрѣ (hydros, ydrus, ydris etc.) и его враждѣ съ крокодиломъ. Оба пред-

¹⁾ Въ статьѣ помѣщенной въ I-мъ томѣ Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева, стр. 22.

положенія пр. Веселовскаго весьма вѣроятны, но все-таки не вполне распутываютъ всей путаницы, постигшей мифическаго звѣря. Эта путаница заключается въ слѣдующемъ. 1) Источникъ Голуб. книги называетъ звѣря Инорогомъ. 2) Въ стихахъ онъ только въ двухъ пересказахъ называется еди н р о г о м ъ, а въ большинствѣ Индрикомъ. 3) Въ стихѣ о Г. кн. Индрикъ изображается иначе, нежели въ Бесѣдѣ Іерусалимской, именно, нѣтъ главной черты и норога, его вражды съ змѣемъ, заложившимъ источники. 4) Инорогъ, какъ его изображаютъ средневѣковые физиологи, не могъ породить представленіе о Индрикѣ, звѣрѣ живущемъ подъ землею. Физиологъ говоритъ о инорогѣ: «и н о р о г ъ м а л о ж и в о т н о е с т ь п о д о б е н ь к о з л я т и , к р о т о к ъ ж е з ѣ л о и н е м о ж е т ь п р и б л и ж и т ь с я к ъ н е м у л о в е ц ь , з а н е с и л е н ь е с т ь , е д и н ъ ж е р о г ъ и м а т ь п о с р е д ь г л а в ы (с м . у В е с е л о в с к а г о с т р . 258).

Для объясненія всей этой путаницы, нужно взглянуть въ физиологъ сербской редакціи XVII в., изданный пр. Ягичемъ (knizevnik, III, 126; ср. Archiv für Slav. Philologie, 1875, I, 89). Въ немъ непосредственно за инорогомъ (*моухѣросъ*) слѣдуетъ другой звѣрь е н ѣ д р о п ъ, относящійся къ морскимъ. Про него говорится: е н ѣ д р о п ъ е с т ь в ѣ м о р и в о е в о д а р и б а м ѣ в ѣ с е м ѣ , е с т ь в з о р ь е г о я к о и к о н ь и х о д и т ь п о д н у и и м а т ь к о н ь с к у г л а в у и о п а ш ь (х в о с т ь) , а п о г р ь б у я к о и р и б а . И е с т ь в ѣ н е к о м ѣ м е с т е м о р а р и б а з л а т о з а р н а , в с е м ѣ р и б а м ѣ ц а р ь , и л е ж и т ь н а е д н о м ѣ м е с т е и е н ѣ д р о п ъ х о д и т ь д в а ц и в ѣ г о д и н е и к л а н а е т ь с е ц а р у с в о е м у . Е г д а х о д и т ь е н ѣ д р о п ъ , п о х о д е т ь п о н е м ѣ в ѣ с е р и б и , м а л е и г о л е м е , и н е с м е ю т ь з а б а в и т и д р у г а д р у з е , д о н ѣ д е ж е п о к л о н е т ь с е и в ь з в р а т е т ь с е .

Не трудно предположить, что оба звѣря инорогъ и е н ѣ д р о п ъ (или по физиологу Софійской библи., приводимому пр. Веселовскимъ, е н ѣ д р ъ) слились въ Голубин. книгѣ въ одного звѣря, вслѣдствіе чего его имя и свойства такъ загадочны. Отъ е н ѣ д р о п а или е н ѣ д р а перешли на Индрика водяныя свойства, имя и поклоненіе Христу (хотя символъ рыбы, довольно ясный въ физиологѣ, не внесенъ въ русскую передѣлку), отъ инорога—земныя свойства и рогъ. Наконецъ, на полученный такимъ образомъ сводный типъ, могли наслоиться и нѣкоторыя иныя черты, которыхъ мы уже не находимъ въ представленіяхъ о инорогѣ и гидрѣ средневѣковыхъ бестиаріевъ.

Индрикъ живетъ подъ землею, надѣленъ огромнымъ рогомъ, копаетъ землю какъ кротъ и такихъ размѣровъ, что земля сотрясается, когда онъ перевертывается. Для объясненія этихъ свойствъ, придаваемыхъ народнымъ воображеніемъ Индрику, можно предположить слѣдующее. Известно, какое огромное количество клыковъ и костей ископаемыхъ слоновъ (мамонтовъ) разсыяно на пространствахъ Россіи.

Въ средніе вѣка производилась дѣятельная торговля ископаемыми клыками, да и до сихъ поръ ведется въ Сибири. Извѣстенъ только одинъ случай, гдѣ былъ найденъ полный оставъ мамонта, покрытый мясомъ и шерстью, сохранившійся какимъ-то чудомъ отъ дѣйствія времени; но нельзя думать, чтобы и въ древнія времена такихъ случаевъ не бывало. Находя огромныя кости и клыки, принимаемые за рога, народъ легко могъ прійти къ убѣжденію, что громадный звѣрь еще доселѣ живетъ подъ землею, какъ кротъ, и выходя ближе къ поверхности земли умираетъ. По величинѣ своей—онъ долженъ быть больше всѣхъ звѣрей, долженъ быть ихъ отцемъ или матерью; у него огромныя рога (клыки), конечно для того, чтобъ рыть землю, а рою землю онъ открываетъ кладези. Достаточно было простому человеку найти случайно кости мамонта, чтобъ сложить неволью тѣ черты, которыя мы находимъ въ голубиной книгѣ приписанными звѣрю Индрику. Наше предположеніе объ Индрикѣ находитъ подтвержденіе въ современныхъ разсказахъ о мамонтѣ, ходящихъ коегдѣ въ Сибири. Въ юго-западной части Томской губерніи ¹⁾ народъ утверждаетъ, что «Мамонтъ—звѣрь ходитъ подъ землею, какъ рыба въ водѣ; если выйдетъ въ яръ, то умираетъ. Одинъ человекъ привязалъ коня къ рогу, думая что пень высунулся изъ земли; когда воротился, конь былъ уже на другомъ мѣстѣ, его увело вмѣстѣ съ рогомъ».

Кажется, нѣтъ основанія искать болѣе простаго объясненія звѣрю Индрику.

Не имѣя цѣлью сдѣлать обзора нашей миѣич. зоологіи, которая безъ сомнѣнія представляетъ много интереса и для естествоиспытателя, и для историка культуры, мы упомянули о турѣ и индрикѣ исключительно съ цѣлію показать, что народная поэзія могла сохранить иногда нѣкоторыя реальныя черты подъ оболочкой миѣа и что сказанія о звѣряхъ нельзя цѣликомъ относить въ область вымысла. Эти данныя послужатъ намъ ниже при обсужденіи вопроса о лютомъ звѣрѣ.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ письменности и народныхъ былинахъ встрѣчается упоминеніе о какомъ-то звѣрѣ съ постояннымъ эпитетомъ лютаго. Приведемъ нѣкоторыя мѣста:

Въ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ ²⁾, Путятинъ Путятovichъ на вопросъ Володимера, гдѣ бы добыть ему невѣсту, совѣтуетъ князю овладѣть невѣстой Данилы Ловчанина и для этой цѣли дать ему такое порученіе:

Наряди его въ службу дальнюю, невзворѣтивную,
На Буянъ островъ;

¹⁾ См. Этнографическій сборникъ. VI, 123.

²⁾ См. Кирѣевскаго, Выпускъ 3, стр. 28 и слѣд.

Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошерстнаго,
Вели вынуть изъ него сердце съ печенью....

Исполняя волю князя,

Поѣхалъ добрый молодець
Далече въ чисто поле;
Подъвзжаетъ добрый молодець
Ко Буянову острову.
Увидалъ онъ звѣря лютаго,
Снимаетъ съ себя тугой лукъ,
Накладываетъ тоё стрѣлу позлачѣнную
На тетивочку шелкѣвую;
Убиваетъ онъ звѣря лютаго,
Вынимаетъ онъ сердце съ печенью.

Въ другомъ пересказѣ той же былины, совѣтъ Путятина звучить нѣсколько иначе:

Мы Данилушку пошлѣмъ во чисто поле,
Во тѣ-ли дуга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлѣмъ ко греячѣму,
Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
Принести ее къ обѣду княженецкому;
Што ишно убить ему льва лютово,
Принести его къ обѣду княженецкому.

Такимъ образомъ мѣсто лютаго звѣря заступаетъ лютый левъ. Можно указать и другія мѣста, гдѣ лютый звѣрь отождествляется со львомъ.

Въ одной былинѣ объ Ильѣ муромцѣ описывается шуба этого богатыря:

На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
Правая пола во всю тысячу,
Всей то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговики разбѣлѣлись,
Его петелки разгорѣлись,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву. ¹⁾

Въ другой былинѣ объ Ильѣ изображается гнѣвъ князя на богатыря за его дерзкія рѣчи:

Какъ солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбились,
Самъ вставалъ да на рѣзвы ноги,

¹⁾ Бирѣвскій—Вып. I, стр. 40.

Какъ самъ стемнѣлъ какъ темна ночь,
Сревѣлъ какъ будто левъ-то звѣрь. ¹⁾

Иногда левъ-звѣрь замѣняется въ пѣсняхъ лютымъ звѣремъ и волкомъ. Въ одномъ пересказѣ былины о Вольгѣ, этотъ богатырь повернулся лѣвымъ-звѣремъ,

Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ кунидъ лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ. ²⁾

Въ другомъ вариантѣ Вольга дѣлаетъ то же самое, но обернулся не лѣвымъ звѣремъ, а лютымъ звѣремъ (см. въ сборникѣ Гильфердинга, № 15); наконецъ въ третьемъ пересказѣ онъ является сѣрымъ волкомъ ³⁾.

Въ пѣснѣ о Добрынѣ, записанной въ Онегѣ, левъ изображается очень наглядно:

Выбѣгало, братцы, звѣрей стадо;
Въ томъ-ли стади лѣвъ-ли звѣрь;
А шерсъ у льва дакъ золоцѣная,
А усы у льва да какъ шишки (щетина) стоятъ.
Крыцалъ лѣвъ-звѣрь по звѣриному,—
Поссыпались тутъ круты-красны бережоцьки,
Смутиласе мать Нѣпра-рѣка. ⁴⁾

Левъ звѣрь до сихъ поръ поминается и въ народныхъ заговорахъ. Чтобы предохранить стадо отъ медвѣдя, должно съ когтемъ лева звѣря, за который нерѣдко выдають клювъ гагары, обойти кругомъ стада и притомъ шептать слѣдующее: обхожу я, рабъ Божій; съ когтемъ лева звѣря мое милое стадо, крестьянскій животъ. Какъ мои коровушки до сей поры боялись медвѣдя, такъ теперь да боится моихъ коровушекъ медвѣдь, а къ этому моему слову небо и земля—ключъ и замокъ. Такъ дѣлается въ Арханг. губерніи (См. Майковъ Великор. заклинанія, 123).

Итакъ, въ былинахъ является то лихошерстный лютый звѣрь, то лѣвый-звѣрь, то наконецъ просто сѣрый волкъ. Последнее животное до сихъ поръ въ народѣ носитъ преимущественно эпитетъ лютаго. Обратимся теперь къ употребленію названія л ю т ы й з в ѣ р ь въ книжной литературѣ. Въ известной, весьма распространенной, статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ ⁵⁾ упоминается лютый звѣрь въ такой связи:

¹⁾ Рыбниковъ—Часть II, стр. 334.

²⁾ Рыбниковъ—Часть I, стр. 2.

³⁾ Рыбниковъ I, 8.

⁴⁾ Кирѣевскій—Вып. I, стр. 11.

⁵⁾ Издан. у Калайдовича въ приложеніи къ Іоанну Экзарху Болгарскому, стр. 208 и слѣд.

сіе есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пугубу: первая книга Платолой, рекше Острологъ, ѿ Острономіа, ѿ Землемѣрія, ѿ Чаровникъ, въ нихъ же суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, се же есть первое, тѣло свое хранить мертво и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ.—Въ этомъ перечисленіи животныхъ мы видимъ, что лютый звѣрь поставленъ во главѣ дикихъ звѣрей, какъ орелъ во главѣ птицъ, и далѣе, что лютый звѣрь отличается отъ волка. Что лютый звѣрь былъ первоначально не волкъ, видно и изъ другихъ памятниковъ.

Въ древне-русской повѣсти о прекрасномъ Девгеніи ¹⁾, въ основѣ которой лежитъ византійское произведеніе о героѣ Дигенисѣ ²⁾, говорится, что Девгеній уже на 14 году сталъ выѣзжать на всякаго звѣря безъ оружія. Онъ догоняетъ лося и раздираетъ его на двое, дѣлаетъ то же самое съ медвѣдемъ и наконецъ завершаетъ подвиги борьбою съ лютымъ звѣремъ. «По малѣ же времени видѣвши отецъ его изъ острову бѣгуца, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь раземше челюсти своя и хотяще проглотити юношу; отецъ же его рекоша: «чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живаго—на ты бѣжить и хочеть тя поглотити; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему». И взявъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечъ свой и скочи къ нему встрѣчу, и удари его мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое». Въ византійской поэмѣ о Дигенисѣ первые два звѣря названы *ἔλαφος* (лось) и *ἄρκος* (медвѣдь); а лютому звѣрю соотвѣтствуетъ лъвица (*λέαινα*) ³⁾.

Мы замѣтили выше, что эпитетъ лютаго дается у насъ между звѣрями главнымъ образомъ волку. Въ лѣтопись подъ 1074 г. по Лавр. сп. занесенъ, по поводу смерти кіево-печерскаго игумена Θεοδοσία, рассказъ объ искушеніяхъ инока Исакія. Бѣсы устрашали его, принимая разные образы: «другоици бо страшаютъ ѿ въ образѣ медвѣжи, овогда же лютымъ звѣремъ, ово вълкомъ, ово змиѣ, полозяху к нему, ово ли жабы, мыши, и всякъ гадъ». Замѣтимъ, что въ Радзивиловскомъ

¹⁾ Изд. у Пыпина въ приложеніи къ Очерку лит. Исторіи стар. повѣстей, стр. 316 слѣд. и въ Памятникахъ стар. русс. лит. II 379—387

²⁾ См. *Les Exploits de Didénis Akritas, épopée bysantine du X siècle, publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de Trébisonde par C. Sathas et E. Legrand. Paris. 1875.*

³⁾ См. Пѣснь IV стихи 905—962.
древности. VII.

и академическомъ спискѣ стоитъ просто лю т ы м ъ безъ прибавленія слова звѣрь. Что же касается самаго звѣря, то здѣсь лю т ы м ъ названъ безъ сомнѣнія волкъ. Волка должно также видѣть въ лютомъ звѣрѣ, упоминаемомъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Здѣсь говорится о Все-славѣ Полоцкомъ, что онъ скочи лю т ы м ъ звѣремъ въ полночи, а нѣсколько далѣе онъ же скочи волкомъ до Немиги съ Дудутокъ. Число мѣстъ, гдѣ упоминается лютый звѣрь, можно было бы значительно умножить, но и этихъ достаточно, чтобы уже теперь сдѣлать нѣкоторые выводы. Мы видимъ, что лю т ь въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначаетъ самаго страшнаго изъ четвероногихъ, въ другихъ—сѣраго волка. Чтобы согласить эти факты, нужно вдаваться въ нѣкоторыя подробности объ этимологій слова лють. Въ языкѣ литовскомъ, ближайшемъ родственникѣ славянскихъ нарѣчій, слово *liutas* обозначаетъ льва, *lute* или *lutenė*—львицу ¹⁾. Это названіе народное, распространенное гораздо болѣе книжнаго *levas*, такъ что Куршатъ, придерживающійся въ своемъ словарѣ народнаго языка, послѣдняго слова не приводитъ вовсе ²⁾. Какъ ни странно находить у Литвиновъ самостоятельное, народное названіе для такого звѣря, котораго уже давно нѣтъ въ Европѣ, однако намъ самимъ удалось записать даже сказку о лвъѣ отъ природнаго Литвина Сувалкской губерніи, сказку старающуюся объяснить, почему львы не водятся въ Литвѣ. Крестьянинъ, говоритъ сказка, рубилъ однажды дрова въ лѣсу. Вдругъ изъ чащи выходитъ левъ (*liutas*) и спрашиваетъ: скажи человѣкъ, на кого я похожъ? Мужикъ отвѣчаетъ: на собаку. Левъ сказалъ: возьми топоръ и ударь меня по лбу. Мужикъ это сдѣлалъ. Тогда левъ сказалъ: черезъ три года приходи на это же самое мѣсто. Мужикъ вернулся домой и позабылъ о лвъѣ, но черезъ три года снова попалъ въ лѣсъ на то же мѣсто. Опять выходитъ левъ и велитъ мужику пощупать себѣ лобъ. Видишь, говоритъ онъ, на лбу нѣтъ никакого знака твоего удара, но что ты обозвалъ меня псомъ—я не забылъ и за это тебя съѣмъ. Мужикъ сказалъ льву: это не я тебя назвалъ псомъ, а хмель. Покажи мнѣ, говоритъ левъ, что это за хмель. Мужикъ пошелъ домой, взялъ ведро водки, смѣшанной съ медомъ, принесъ въ лѣсъ и далъ льву пить. Левъ напился, захмелѣлъ и заснулъ. Тогда мужикъ взялъ ножницы и выстригъ ему шерсть сзади, оставя только гриву да кисть на хвостѣ. Левъ проснулся, увидѣлъ себя въ такомъ видѣ и спросилъ: кто это со мной сдѣлалъ? Мужикъ назвалъ хмель и показалъ льву, гдѣ онъ растетъ. Тогда левъ лапами ну вы-

¹⁾ См. Словарь Нессельмана s. v. на стр. 376.

²⁾ См. Kurschat—Deutsch Littauisches Wörterbuch s. v. Löwe.